

Фуко, Автономова и рационализм.
(Рецензия на книгу Н.С. Автономовой
«Познание и перевод»)

А. С. ИГНАТЕНКО

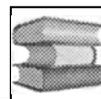
Пожалуй, дифирамбы в данном случае можно свести к минимуму: Наталия Сергеевна Автономова – первый и очевидно самый авторитетный исследователь Фуко, Деррида, Лакана в России; каждый, кто занимается философией этого направления, идет по ее стопам. Всё, на что обоснованно рассчитывает читатель в отношении работ Н.С. Автономовой, он получает, приступая к чтению и ее новой большой книги «Познание и перевод»: детальное знание философского ландшафта обеспечивает необходимую встроенность анализируемых идей в более широкий контекст и выявляет их генезис; безупречное прохождение всех обязательных к рассмотрению проблем, связанных с темой, тклет ткань текста, естественного, как дыхание, без сколько-нибудь заметных стыков и швов при переходе от проблемы к проблеме. Такая стилистическая гладкость, впрочем, имеет и недостаток: возникает иллюзия простоты, струящийся язык убаюкивает, усугубляя риск проспать проблему. Чтобы этого не случилось, следует помнить следующее: у Н.С. Автономовой нет случайных фраз, никакого текстового балласта, за каждым предложением – проблема, более или менее жестокая битва идей, в которой автор принимает ту или иную сторону. Все частные вердик-

ты, которые Автономова выносит по поводу локальных философских конфликтов, однако, вписываются в одну широкую магистраль, которую она на протяжении всей своей исследовательской деятельности прокладывает в поле того, что сама именует французским структурализмом и постструктурализмом. Эта магистраль может быть поименована следующим образом: «французский постструктурализм как продолжение традиции западного рационализма».

В данной статье я попробую проанализировать плюсы и минусы такого подхода, причем ограничусь рассмотрением философии одного Мишеля Фуко, хотя многое из того, что мне пришло на ум по поводу автора «Слов и вещей», может быть отнесено и Жаку Деррида, который, на мой взгляд, обнаруживает сильнейшую зависимость от первого.

Свою позицию в отношении философии Фуко Н.С. Автономова отчетливо противопоставляет «постмодернистским» прочтениям. По-настоящему, однако же, что здесь все зависит от того, как понимается «постмодерн».

Автономова отмежевывается от точки зрения В.П. Визгина, согласно которой «стержнем творчества Фуко выступает некая динамичная неоничшеанская интуиция бурлящего

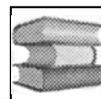
бытия, онтологической стихийности»¹. Далее она также выражает несогласие с Ф. Джеймисоном, который видит в Фуко постмодерниста, поскольку «он перемешивает все дисциплинарные и жанровые границы»². Совершенно очевидно, однако, что если первое заявление об онтологической стихийности слишком загадочно и неопределенно, то второе – о смешении границ – явно недостаточно для определения постмодерна. Что же предлагает сама Автономова? «Напротив, я полагаю, что Фуко в той или иной, но существенной для его собственного пути мере, наследует структуралистскую проблематику анализа образований мысли и культуры через призму языка... Далее, я полагаю, что именно познание, познавательная установка, а не общеонтологические, интуиции были для Фуко существенными и определяющими во все периоды творчества»³. Первое, что бросается в глаза в этом фрагменте, это невынужденность слова «напротив», с которого он начинается. Исходя из всего изложенного на этих страницах, противоречие между позицией самой Н.С. Автономовой и точками зрения Визгина и Джеймисона как минимум неочевидно. И действительно, что мешает Фуко наследовать структуралистскую проблематику и развивать познавательную установку, тем более «в той или иной степени», и одновременно исследовать ницшеанское бурлящее бытие (то есть становление), смешивая при этом дисциплинарные и жанровые границы? Тем более что у Фуко все примерно так и происходит.

И, тем не менее, этим своим замечанием я не стремлюсь опровергнуть ход рассуждений Автономовой в этой части ее исследования. По сути

оно верно: и зависимость от Ницше, и игра с жанрами и дисциплинами, вне всякого сомнения, являются признаками постмодерна. Просто есть более принципиальные его – постмодерна – характеристики, которые приходят с точкой зрения на Фуко Натальи Сергеевны Автономовой в более прямое и неминуемое, лобовое столкновение. Все дело в той самой познавательной установке, которую, как на том совершенно обоснованно настаивает Автономова, развивает Мишель Фуко. *Что такое знание по Фуко?* – В зависимости от того, как мы ответим на этот вопрос, мы отдадим предпочтение либо термину «постструктурализм» в его прочтении Автономовой, либо термину «постмодерн».

Оговорюсь сразу: влияние структурализма на проблематику и язык Фуко бесспорно. Но что есть структурализм? Сама Автономова определяет его как метод: «Структурализм – это, полагаю, не философия, но, скорее, общая методология, имеющая определенные философские предпосылки».

Для нас чрезвычайно важно это определение. Ведь, коль скоро структурализм – лишь метод, то метод этот может быть использован в самых разных целях. То есть, между терминами «структурализм» и «постструктурализм», с одной стороны, и термином «постмодерн» – с другой, есть разница в уровнях: постмодерн – термин более высокого класса, обозначающий новый тип мышления и культуры в целом, в то время как структурализм и постструктурализм, как его аватар, – всего лишь инструмент, который вполне может быть использован тем же постмодерном для решения собственных задач. (Как это и происходит в «структуралистских» текстах Фуко «Слова и вещи» и «Археология знания».)

¹ Н.С. Автономова. Познание и перевод. Москва, 2008. С. 80.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 80–81.

Автономова, разумеется, осознает это. И тогда она предпринимает свой самый рискованный и спорный шаг: она устанавливает строгое соотношение между структурализмом и рационализмом. Рационализм – термин уже более высокого порядка. Его проще противопоставить постмодерну, тем более что в истории философии уже были прецеденты в лице Хабермаса. То есть, если Фуко – структуралист, а структурализм – это рационализм, а рационализм – не постмодерн, то Фуко – не постмодернист. На первый взгляд, эта логика очевидна. Главное – укоренить структурализм в рационализме. Сделать это, однако же, весьма непросто: слишком очевиден отход структурализма от базовых установок рационализма, как мы его знаем. Для отмежевания от того рационализма, с которым Фуко безвозвратно разошелся, Автономова вводит понятие «классического рационализма», подразумевая, вероятно, что сам Фуко строит некий «неклассический рационализм»⁴, и, однако же, нигде прямо не употребляя такого термина. Одновременно она отмечает: «Отказываясь от одних тезисов классического рационализма (и прежде всего от абсолютизации европейских критериев рациональности как всеобщих и необходимых), от тезиса о тождестве бытия и мышления, структурализм заимствует и воспроизводит другие (*тезисы классического рационализма – А.И.*) (прежде всего самую направленность на рационалистическое обоснование возможности гуманитарного знания)»⁵. Вслушаемся в эту фразу: «Структурализм воспроизводит тезис классического рационализма о рационалистическом обосновании возможности гуманитарного знания»! Послание, зашифрованное в

этой строке, может быть истолковано так: гуманитарное знание возможно; такая возможность обоснована рационалистическими средствами; эти рационалистические средства принадлежат классическому рационализму. Безупречная тавтология. Вопрос о том, в чем заключаются эти средства, и по завершении тирады остается открытым. То есть, совершенно непонятно, какие «другие тезисы» классического рационализма «воспроизводит структурализм». А значит, попытка привязать структурализм к классическому рационализму – во всяком случае, на этот раз – проваливается. Впрочем, даже если бы она удалась, осталась бы следующая возможность возразить: даже если структурализм рационалистичен, в какой мере Фуко – структуралист? В той мере, в какой Фуко – философ, он всегда больше чем структуралист, именно благодаря тому, что структурализм – только метод. Даже если это метод – рационалистский. Посмотрим, однако, так ли это.

Вернемся к определению, данному нашим автором структурализму: «общая методология, имеющая определенные философские предпосылки». Но что за философские предпосылки лежат в основе структурализма как метода? Что позволяет применять методы исследования языка к верованиям (структурализм Леви-Стросса и Дюмезиля), бессознательному (Лакан) или реальности вообще (философский структурализм Фуко, Деррида, а в определенной степени и Делёза)? Ответ самой Наталии Сергеевны Автономовой известен лучше, чем кому бы то ни было⁶:

⁴ Там же. С. 37.

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Она даже задается вопросом: «Не видим ли мы здесь слишком радикальный «перевод» проблемы человека на уровень бытия языка и функционирования знаковых конфигураций?». Там же. С. 94.

признание за всеми этими реальностями знаковой природы позволяет структурировать эти реальности как язык. Говорим ли мы о ритуалах, сновидениях или явлениях этого мира вообще, мы имеем дело со специфическим языком, семиотической структурой. Эта идея принадлежит еще Ницше, который, как и сама

Н.С. Автономова, был филологом и сбежал оттуда в философию, а заодно и перенес в нее филологический метод. Водораздел между Ницше и научным структурализмом проходит по границе вопроса о референте. Структурализм изначально не смеет отрицать референт: Соссюр, хоть и разрабатывает структурный аспект функционирования знака и связанную с ним проблематику различия, сохраняет и денотат, вещь, как существенный, если не основной, источник смысла знака. Ницше идет дальше, он отрицает вещь как таковую, заявляя, что существуют лишь знаки и их интерпретации. И вот тут-то мы подходим к тому самому лобовому столкновению интерпретаций мысли Фуко, о котором я говорила вначале, то есть к подлинному противопоставлению научного структурализма и постмодерна. *Если, с точки зрения Соссюра, которую сохраняют и первые структуралисты, мир познается, то, с точки зрения Ницше и постмодернистов, мир создается!*

Таким образом, отвечая на сформулированный выше вопрос, мы можем сказать, что структуралистский метод изначально введен рационалистами, но в силу своего нейтрального характера вполне может быть использован и вне рационали-

стских познавательных установок. Ведь чтобы к нему прибегнуть, достаточно установить знаковый характер той реальности, для исследования которой структурализм собственно привлекается. Вопрос же о соответствии знаков данной семиотической структуры неким «вещам в себе» остается за рамками структуралистской методы. А именно этот вопрос – о соответствии познаваемого познанию – является определяющим для выявления рационализма. То есть, рационализм и структурализм никак не связаны, хоть и совместимы.

Для Н.С. Автономовой, однако, в высшей степени важно оставить Фуко в объективно существующей и познаваемой реальности. Но может ли подобная попытка быть успешной, можно ли из Фуко и впрямь сделать рационалиста?

Рассмотрим вслед за Наталией Сергеевной фундаментальное понятие Фуко шестидесятых годов – понятие археологии. Параграф, ей посвященный, Автономова начинает так: «Археология знания (1960-е годы) – это, прежде всего, новый подход к истории, отказ от идей и концепций кумулятивного развития знания, основой которого был бы абсолютно надежный наблюдатель – трансцендентальный субъект»⁷. То, что кумулятивная модель знания у Фуко ниспровергается – совершенно справедливо. Однако такую ли уж важную роль играет в ней трансцендентальный субъект? Главное условие возможности накопления знания – неизменность его объекта, тождественность познаваемого познанию. Если существует мир

вещей в себе, неизменных и доступных познанию, то все, что истинно познано в отношении них в прошлом, сохраняет свою ценность и истинность навсегда. Главное, чтобы, помимо неизменных объективно

существующих вещей, существовал непогрешимый метод познания. Вот, собственно, два необходимых и достаточных условия кумулятивного знания:

⁷ Там же. С. 90.

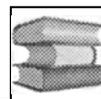
стабильный объект познания и *адекватный способ* познания. Эти два условия есть, одновременно, условия рационализма. Непогрешимый метод познания и есть метод рационалистский. Он, кстати, предполагает и существование нелегитимных иррационалистических познавательных приемов, которые должны быть избалованы и отринуты. Кумулятивизм, рационализм и позитивизм – три аспекта одного и того же мировоззрения, три способа поставить акцент на определенном понимании познания. В случае кумулятивизма – на способности знания накапливаться, в случае рационализма – на наличии одного легитимного способа познания в противовес всем остальным, нелегитимным, а в случае позитивизма – на возможности, опять-таки, конкретными легитимными средствами строить высказывания, которые будут истинны всегда и лягут в копилку знания. Трансцендентальный субъект, конечно, тоже важен: как носитель структур рационального мышления. Поэтому нельзя разрушить последнего, не усомнившись в надежности первых.

Теперь посмотрим, чем занят в своем археологическом проекте Фуко. О чем, собственно, «Археология знания»? На поверхности все та же проблема новой истории мысли, которая, в отличие от старой, работавшей на идею непрерывности саморазвертывающейся рациональности как основы суверенного субъекта, имела бы дело только с «общностью рассеянных событий». Проект этой новой истории уже в «Археологии знания» связывается

Мишелем Фуко с Ницше и его генеалогией: «Перевороту, произведенному ницшеанской генеалогией, она (*классическая история мысли – А.И.*) противопоставила поиски первоначального основания истории, которое бы позволило превратить рациональность в *telos* человечества и связать с сохранением этой рациональности, с поддержанием этой телеологии и с вечным необходимым возвращением к самому себе всю историю мышления»⁸. Генеалогический проект Фуко не противопоставит археологическому и не сменяет его, как это пытается нам представить Н.С. Автономова. Генеалогия и археология взаимодополняют и поддерживают друг друга. Вкратце это выглядит следующим образом.

Археология исследует горизонтальные синхронные срезы знания, «реконструируя» принципы его функционирования в прошлом. То, как это может быть проделано, иллюстрирует работа «Слова и вещи». Но на самом деле – и с этой мысли начинается «Археология знания» – такая реконструкция сама укоренена в конкретном поле дискурса с конкретным типом его организации и призвана решать задачи, актуальные для текущего момента. То есть, каждый раз, смещаясь во времени, мы будем «обнаруживать» в прошлом все новые и новые «археологические пласты», выделять все новые и новые типы событий, с тем, чтобы решить задачи, стоящие перед нами сегодня, ради чего мы и начинаем историческое исследование вообще. «По

ме-

ре того, как настоящее какой-либо науки изменяется, рекуррентные перераспределения обуславливают множественность ее прошлого, многообразие форм сцепления, исходных иерархий, сетей определений телеологических схем⁹. Таким об-

разом, археология занята «реконструкцией» синхронных дискурсивных структур с целью «обнаружения» в конкретную эпоху нужных исследователю событий. Но само такое исследование будет не историей, а генеалогией,

⁸ М. Фуко. Археология знания. Киев, 1996. С. 16.

⁹ Там же. С. 8.

поскольку исследователь прекрасно понимает, что «такого рода единства ... установлены операцией, которую можно было бы назвать интерпретативной»¹⁰. Подобно тому, как Ницше, которому требовалось расшатать современную ему христианскую мораль, выстраивал ее генеалогию, то есть выводил ее происхождение, из враждебных жизни инстинктов декаданса. Поэтому, когда исследователи начинают критиковать эпистемы Фуко, которые он описал в «Словах и вещах», они демонстрируют полное непонимание фундаментальных идей этого философа. Дело не в том, были ли Возрождение, Новое Время или еще какие-нибудь другие эпистемы. А в том, что Фуко требуется расшатать субъект. И чтобы показать его временный, текучий характер, ему нужно «реконструировать», то есть «обнаружить» в прошлом такие эпистемы, в которых дискурсивного события «субъективности», как мы ее понимаем, еще не было, а значит, и в будущем могут сформироваться такие типы дискурса, или эпистемы, в которых его снова не будет.

Археология есть вспомогательный метод на службе более общего метода генеалогии. Поэтому для обеих главным понятием становится событие, которое, в свою очередь, есть эффект некоего взаимодействия сил. Дискурс – полевая структура, «место» игры сил, порождающих события. Археология налагает на этот позитивный хаос некую сетку в

соответствии с задачами, которые преследует генеалогия. Антифукианскими поэтому выглядят, например, такие заявления Н.С. Автономовой: «Она (археология – А.И.) нацелена на взаимодействие субъективного и объективного, в результате которого возникают предметы познания, социальные практики, научные дисциплины»¹¹. Субъективное и объективное у Фуко – временные дискурсивные события, нестабильные эффекты, время которых уже ушло. Как же можно на этих понятиях основывать археологию!

Сомнительно, однако, чтобы столь высококлассный исследователь, каким является Наталия Сегеевна, не замечал этих натяжек. Просто она отлично понимает вырисовывающуюся дилемму: либо Фуко – «приличный» человек, авторитетный ученый, можно даже сказать «историк», поддерживающий в целом здание научного знания, просто предлагающий небольшие лингвистические новации; либо он нечто совершенно другое: еще один человек-динамит, чьих новаций наука в ее современном состоянии может, чего доброго, и не пережить. Поэтому Н.С. Автономова осознанно расставляет нужные ей акценты. Как, например, когда она пишет об «Истории безумия», обнаруживая в ней идею зависимости знания от «социальных обстоятельств»¹². Но ведь главная идея Фуко в данном случае соотносится не

с проблемой социального, а – уже! – с проблемой власти: психиатрия уже в «Истории безумия» не столько изучает, сколько фабрикует свой объект, не столько лечит, сколько контролирует. (Это может быть выгодно и обманутой жене, и экономике всего общества, но дело не в

этом.) И доказательством этому – сформулированная Фуко проблема соотношения зрения и познания, уже отчетливо присутствующая тема дисциплинарных пространств, которую приходится

¹⁰ Там же. С. 26.

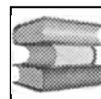
¹¹ Н.С. Автономова. Познание и перевод. С. 90.

¹² Там же. С. 99.

ся признать и Н.С. Автономовой¹³. Следовательно, нет никакого раздвоения направления исследований Фуко в начале 60-х, как это утверждает наш автор¹⁴. Фуко решает – упорно и последовательно – одну и ту же проблему, главную проблему своей жизни: безумен ли сам Фуко? Как возможно, что человека с безупречно работающим интеллектом объявляют безумцем? Какую познавательную ценность имеет этот вердикт? И ответом на этот вопрос является работа «История безумия» где уже отчетливо поставлена проблема соответствия медицинского слова и этой странной «вещи» – безумия. Далее, когда он приходит к выводу, что можно – в угоду ли экономическим, моральным ли запросам общества или отдельного человека – объявить человека безумцем, изолировать, Фуко должен ответить на второй вопрос, непосредственно вытекающий из первого: что в самих принципах функционирования знания позволяет знанию фабриковать свои объекты? И ответом, естественно, становятся «Слова и вещи», в которых Фуко показывает, как мы постепенно переселились из реальности вещей в реальность слов. Знаковый характер окружающей нас реальности позволяет, как это сказал еще Ницше, задавать любые интерпретации, формируя мир вокруг.

После того, как в «Словах и вещах» был провозглашен знаковый тип реальности под названием «дискурс», возник ряд технических во-

просов, связанных с механизмами функционирования дискурса, которые надо было также проработать. Этим Фуко занялся в «Археологии знания». Далее, в условиях, когда у него на руках была уже готовая концепция знания, он, вооруженный ею, мог дальше исследовать дисциплинарный характер знания, его срочность с властью, результатом чего явились «Надзирать и наказывать» и «Микрофизика власти». Таким образом, с самого начала своей философской деятельности Фуко так или иначе занят одним: исследованием систем исключения. Безумец и преступник – два главных персонажа этой системы. Гомосексуалист Фуко чувствует себя и тем, и другим одновременно. Чтобы снять с себя эти ярлыки, ему необходимо обрушить всю систему знания, в которой эти ярлыки сформированы и присвоены. И вот из этого террориста от науки, мечущегося между ненавистью к отвергающему его миру и желанием признания и приятия, готового ради этого принести в жертву всю эту устойчивую, открытую адекватному познанию реальность, весь этот уютный, исправно функционирующий, объективный мир, – из него пытается Н.С. Автономова сделать методичного, даже педантичного, ученого, этакое «университетского профессора», у которого объект продолжает исправно взаимодействовать с субъектом, а социальное – определять знание.

К тому же, в подобном контексте рассуждений о мысли Фуко остается совершенно необъяснимым разворот к герменевтике субъекта, случившийся с ним в конце его жизни. А ведь все предельно просто. Фуко, наконец, добился того, ради чего начинал свою деятельность: он был, наконец, признан, более того, он стал настоящей философской

звездой. Собственная кафедра в Коллеж де Франс была институциональным воплощением этого признания. Но главную проблему своей жизни, проблему познания, Фуко и здесь решил присущим ему способом: максима «познай самого себя» переведена им как «создай самого себя».

¹³ Н.С. Автономова делает на странице 101 ссылку на наличие этой проблемы.

¹⁴ Там же. С. 101.